

А. В. СМИРНОВ

СОБЫТИЕ
И
ВЕЩИ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

А. В. СМИРНОВ

СОБЫТИЕ
И
ВЕЩИ

Издательство «САДРА» Издательский Дом ЯСК
Москва 2017

УДК 1/14
ББК 87.2
С 50

Утверждено к печати
Ученым советом Института философии РАН

Издание осуществлено при поддержке
Фонда исследований исламской культуры

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *М. М. аль-Джаноби*
доктор филологических наук, профессор *В. В. Лебедев*

Смирнов А. В.

С 50 Событие и вещи. — М.: Садра: Издательский Дом ЯСК,
2017. — 232 с.

ISBN 978-5-906859-48-8

Книга отвечает на вопрос: как возможна концептуализация базового элемента языка как «харфа», которая была развита в арабской языковедческой традиции (АЯТ) начиная с VIII в.? Показано, что харф не может быть адекватно истолкован через категории европейского языкознания — фонема, гласный, согласный, буква и т. п. Непротиворечивое объяснение положений АЯТ о харфе возможно только на основе логики процесса, а не субстанциальной логики. Поставлен вопрос о метафизике расщепления события на системы вещей. Предложено переосмысление представления об универсальности научных истин и их соотношении с действительностью в свете метафизики события-и-вещи.

УДК 1/14
ББК 87.2

ISBN 978-5-9908330-9-8

© Садра, 2017
© Издательский Дом ЯСК, 2017
© А. В. Смирнов, 2017
© Институт философии РАН, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЕКТ	5
ТЕОРИЯ	8
Предельное основание	8
Парадоксальность абсолютного	8
Неограниченная граница	11
Предельное основание и граница	14
Бесплотность предельного основания	17
<i>То же иначе</i> и изменение	18
Истина и оправданность	20
Логика смысла	23
Субъект-предикатный комплекс и С/П-логики	23
Связность	23
Восстановление связности	29
Иерархия уровней	33
Наука и С/П-альтернативность	41
Факты языка и интерпретация	43
Логико-смысловая техника	50
ПОГРУЖЕНИЕ В МАТЕРИАЛ	52
Харф, взятый отдельно (вещь как субъект-предикатный комплекс)	52
Теория харфа	52
Харф и атомарность	54
Бинарность харфа	58
Событие и миры-вещей	63
С/П-трактовки харфа	66

С-трактовка события <i>звучит-слово</i> в европейской науке: звук и фонема	66
С-подход в арабо-мусульманской культуре: ал-Фāрāбī и Ибн Сīnā	79
П-трактовка события <i>звучит-слово</i> : харф	91
П-трактовка события <i>звучит-слово</i> : харака	105
С/П-логики и действительность	121
Логико-смысловой выбор и чувственное восприятие. . .	121
Природа и культура.	124
Артикуляция: АЯТ и европейская лингвистика	128
Задача на перевод	133
Харф-и-харака: П-интерпретация.	147
Харака как часть харфа	147
Харф, буква, звук	150
Итоговые замечания	152
Харф в составе <i>лафза</i> (вещь как целое-и-часть).	156
Деление и делимость: С-логика	157
Деление и делимость: П-логика	159
Харф как СГ-единица: противоречия концептуализации	177
Фонематический анализ арабского: проект П-подхода	195
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	203
ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	224

ПРОЕКТ

Почему и как рассыпанное море красок собирается в упорядоченный мир?

Мир упорядочен не в силу того, что вещи образуют некий порядок и систему, а уже потому, что они имеются; в силу одного того, что может быть поставлен вопрос о законосообразности и упорядоченности *вещей*. Вещей как субъект-предикатных «склеек», как удивительных центров притяжения, в которых интенсивность субъектности, ее сжатость, направленность-во-внутрь (ведь субъект в своей чистой субъектности равен только себе) сплавлена с экстенсивностью, разжатостью, направленностью-вовне предикатов (поскольку предикаты «разжимают» субъект, размыкают его границы и стремятся слить его с другими субъект-предикатными комплексами). Но чистый субъект — абстракция. Субъектность всегда начинена предикатами; мы всегда имеем дело с субъект-предикатными комплексами — с вещами. Системность и упорядоченность вещей мира можно видеть в том или в этом, можно говорить о ее нарушении или парадоксальности, — но все это после того, как мы получили саму возможность говорить о ней, об этой системности, упорядоченности, законосообразности. А такую возможность дает нам «вещь» — то простое с виду и очень привычное обстоятельство, что мы видим вещи. Иначе говоря, что можем жить в мире-вещей.

В мире-вещей каждая вещь *равна себе* и способна *изменяться*: именно потому изменяться, что не преодолевает границ инаковости и всегда сохраняет свою самость, на фоне которой только и можно говорить об изменении.

Мы обозначаем вещи именами. Кроме имен, мы имеем в своем распоряжении глаголы. Глаголы указывают на события, а не на вещи: *течет-река* — это событие, в котором «течение» неотъемлемо и неотличимо от «реки». Событие выражено собственно глаголом: это — событие «течет», тогда как «река» и «течение» задают уже возможность вещей. «Течет» не может изменяться и не может сохранять

свою самость, тождественность себе: это возможно только для вещей, а не для событий. Но вещи возможны лишь благодаря событиям: мы спрашиваем о мире-вещей, но прежде того должны сказать, что мир-вещей возможен только благодаря событиям. События — вне тождества и вне изменения; глаголы иначе относятся ко времени, чем имена. Глаголы вбирают в себя время, как его вбирают события; лишь имя выдирает вещь из времени, ставя ее в какое-то отношение к нему: вещь и вынесенность из времени идут рука об руку.

Упорядоченность, подчиненность *правилам*, неким общим закономерностям, дающим власть тому, кто ими владеет, — это характеристика мира-вещей, а не событий. Событиями нельзя овладеть так, как мы можем овладеть вещами, подчинив их общей закономерности: события не упорядочиваются как субъектности и не движутся благодаря изменениям.

Итак, почему мы видим не безбрежное, неограниченное море расплывшихся красок, а вещи? Почему, в силу чего краски «прикреплены» к этим центрам притяжения? Почему они собраны в сгустки? Что оправдывает субъектность любой вещи? Как происходит полагание вещи? Происходит ли оно всегда одинаковым образом; иначе говоря, полагаем ли мы вещи одинаково, одним и тем же способом? Речь не о том, чтобы вещи были одинаковы, т. е. имели бы одно и то же содержание; конечно, нет. Вопрос о том, действительно ли особая содержательная начинка разных вещей сложена и уложена по одной и той же технологии, с использованием одних и тех же приемов. «Мишки в лесу», «Белочка» и «Коровка» — разные конфеты, но все они имеют начинку, которой придана форма параллелепипеда, и обертку. Однако бывают сферические и полусферические шоколадные конфеты без обертки, уложенные в коробки, и технология их предъявления потребителю и, затем, их потребления отличается. Странно будет, если мы забудем снять обертку с «Коровки» (вряд ли нам понравится такая конфета) или откажем коробке шоколадных сладостей в конфетности на том основании, что они лишены обертки. Так одинаково ли предъявлены нам вещи мира; по одной ли и той же технологии они сделаны нашим сознанием?

И последнее замечание, прежде чем отправиться в путь. Заданный вопрос — это вопрос о предельном основании, вопрос вопросов, самый главный философский вопрос. А. С. Карпенко показывает, как вопрос «почему существует нечто, а не ничто?» формировал философское рассуждение, начиная с Лейбница, сформулировавшего его именно так (см. [Карпенко 2014]). Однако этот вопрос, очевидно, не предельный;

ведь чтобы задать его, надо уже обладать и понятием «нечто», и понятием «существование», да еще и быть уверенным, что «нечто» именно «существует» (а не наличествует каким-то иным образом). Если эти полагания не подвергаются, как правило, сомнению в европейском философствовании, это еще не значит, что они несомненны: принимаемое за очевидное не обязательно очевидно. Мы не только можем, но и должны расширить этот лейбницеvский вопрос, задав его именно так, как он задан нами: *почему* мы полагаем вещи и *как* именно мы полагаем их? *Что оправдывает их полагание?* Этот вопрос — наш исходный пункт: тот, откуда начнется наш путь.